

С. М. Абрамзон

НОРМЫ БРАКА У КИРГИЗОВ В ПРОШЛОМ

Среди обычаев, регулировавших в прошлом брачные отношения и называемых нормами брака, решающую роль у многих народов играла экзогамия¹, но существовали и другие виды ограничений супружеского союза по степени родства.

У киргизов, как и у других народов Средней Азии и казахов, при заключении брака также существовали разного рода ограничения, обусловленные социально-историческими причинами. Эти ограничения привлекали к себе внимание дореволюционных наблюдателей и исследователей, от которых не ускользала их связь с социальной структурой общества. Но данные, которые мы находим по этому вопросу в литературе, крайне фрагментарны, неполны и не всегда точны.

Некоторые сведения о брачных запретах у киргизов приводит Г. Загряжский в статьях, относящихся к 1870-м годам². В частности он отмечает, что у киргизов запрещается женитьба на мачехе, на молочной сестре и на родной сестре жены, пока жена жива. «Вообще брак до шестого колена не допускается», пишет Г. Загряжский. К сожалению, не всегда можно уяснить, к кому относятся приводимые Г. Загряжским сведения, к киргизам или к казахам, или они в равной степени характерны для тех и для других.

Более обстоятельную характеристику норм брака содержит работа Н. И. Гродекова. Автор сообщает, что у киргизов «браки заключаются до пятого колена. В настоящее время берут ближе, даже из второго колена, за что порицают словами: „ты портишь зант“³; но не расторгают брака и не наказывают. Мулла Асан подтверждает это: „прежде между кара-киргизами брали, как у киргизов (под киргизами здесь подразумеваются казахи.— С. А.), невест из седьмого колена; теперь же берут из третьего, даже начинают брать из второго колена, согласно шариату. В этом мананы и простой народ не отличаются“⁴. Далее Н. И. Гродеков перечисляет около полутора десятков индивидуальных брачных запретов, не указывая, однако, относятся они к казахам или киргизам. Как будет показано ниже, имелись отдельные расхождения в этом отношении между казахами и киргизами.

Представляют некоторый интерес данные по этому вопросу, содержащиеся в архивных источниках. Так, в рукописи, относящейся к кон-

¹ См. Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, гл. «Сохранение экзогамных норм», Л., 1969, стр. 47—64.

² Г. Загряжский, Очерки Токмакского уезда, газ. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10; его же, Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876, стр. 155; его же, Кара-киргизы (этнографический очерк), «Туркестанские ведомости», 1874, № 44.

³ *Зант* — обычай.

⁴ Н. И. Гродеков, Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I — «Юридический быт», Ташкент, 1889, стр. 27, 28.

цу XIX в., мы читаем: «Родство у киргиз считается по мужской линии так: дети двух родных братьев по обычаю не могут вступать в брак и так далее до 7 колена. Родство с женской стороны не считается препятствием к браку; так: дети брата и сестры жениться могут. Но в настоящее время киргизы руководствуются шариатом, в котором такого строгого разграничения родства по мужской линии нет. Например, наиболее почетный и известный в Токмакском уезде киргиз-манап, войсковой старшина Шабдан Джантаев просватал свою дочь за сына своего брата Эстебеса. На мачих жениться нельзя, тестю на жене сына жениться нельзя, на падчериц и племянниц нельзя. Воспрещается жениться на мачих, потому что это считается осквернением ложа отца; на снох, падчериц и племянниц, потому что они считаются дочерьми. На тетке „таядже“⁵ брак допускается если у умершего дяди не осталось братьев»⁶.

В другой рукописи, относящейся примерно к тому же времени, но характеризующей быт киргизов Иссык-Кульского уезда, имеются следующие сведения. «Обычное право кара-киргиз не допускает заключать браки между лицами, состоящими в родстве до третьей степени включительно; но понятия кара-киргиз, как и вообще всех мусульман, о степенях родства не имеют ничего общего с нашими понятиями об этом предмете. В то время как мы степени родства определяем близости родства известной отдельной личности, обычное право кара-киргиз определяет степень родства сходно с правом мусульманским, т. е. близости той группы родственников, к которой относится известное лицо, так, что в данном случае правильнее было бы говорить, что известное лицо состоит в такой-то группе, или в таком-то разряде родных, а не степени родства...

Нужно заметить, что по обычному праву родственники по свойству, т. е. муж родной сестры, жена родного брата, муж родной тетки и жена родного дяди, считаются родственниками, между которыми нельзя заключать браков, но это запрещение продолжается до тех пор, пока между ними существуют связующие их звенья; со смертью же в данных случаях сестры, брата, тетки, дяди — браки становятся возможными, следовательно можно жениться на свояченице после смерти жены, выйти замуж за дядю после смерти родной тетки (бывшей его жены) и т. д.»⁷.

Нормы брака у киргизов, как и некоторые другие вопросы их брачно-семейных отношений, были в советское время впервые исследованы Н. П. Дыренковой. Называя род у киргизов экзогамным, Н. П. Дыренкова в то же время признает, что «экзогамия внутри рода ограничивается в разных родах до того или иного колена, и очевидно, что допущение браков внутри рода шло с большой постепенностью. Так, у рода Монголдор до сих пор (т. е. до 1920-х годов.— С. А.) сохраняется обычай брать жену не ближе седьмого колена. У рода Черик разрешаются браки в четвертом колене, но раньше и у этого рода также существовал обычай брать жен не ближе седьмого колена»⁸. В работе Н. П. Дыренковой приводятся также некоторые данные о кузенных браках, о брачных запретах, левирате и сорорате.

⁵ Очевидно, речь идет о *тай эже* — сестре матери.

⁶ «Обычай кара-киргизов (Черная орда или дикокаменные) Токмакского уезда», Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА) КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5089, разд. V — «Семья».

⁷ «Обычное право кара-киргиз Иссык-Кульского уезда», ЦГИА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 9, 9 об.

⁸ Н. П. Дыренкова, Брак, термины родства и психические запреты у киргизов (По материалу, собранному летом 1926 г. в Нарынском районе Семиреченской области), «Сборник этнографических материалов по семейно-родовому быту народов СССР», 2, Л., 1927, стр. 12.

Система брачных запретов у чуйских киргизов кратко освещена в работе А. Джумагулова⁹.

Обратимся к вопросу об экзогамии у киргизов. Некоторые крупные исследователи считали, что они и казахи, как и большинство других кочевых народов, сохранявших патриархально-родовой быт, довольно строго придерживались экзогамии¹⁰. В свое время мы указывали, что система брачных норм у киргизов не может быть полностью отождествлена с экзогамией, предполагающей наличие рода с достаточно четко очерченными границами¹¹. У киргизов господствовал принцип экзогамии по поколениям, почему состав лиц, в отношении которых действовал этот принцип, с каждым поколением изменялся. Чтобы получить возможность жениться на ком-либо, надо было удостовериться, что после общего предка прошло не менее семи поколений. Контингент лиц, в отношении которых действовал брачный запрет, в каждый данный момент был хорошо известен. Но эта норма в разные исторические эпохи действовала по-разному.

Не только в более отдаленное время, но еще во второй половине XIX в. вообще старались избегать браков в кругу даже относительно далеких родственников по отцовской линии, брак с которыми допускался. Жен стремились брать по возможности издалека, во всяком случае из другой племенной группы. Но практически это было доступно далеко не всем. В менее обеспеченной части населения брачные связи устанавливались в близкой для себя среде, если это не нарушало общепринятой нормы. Однако круг потенциальных жен из числа родственниц по линии отца оказывался все же ограниченным; при этом оказывали свое влияние и постепенно изменявшиеся экономические условия. Возникавшее противоречие разрешалось двумя путями. Во-первых, наряду с браками между родственниками определенных степеней родства по мужской линии в довольно широких размерах продолжали практиковаться браки с родственниками по материнской линии. Во-вторых, традиционный «семиколенный» принцип брачных запретов шел по пути постепенного, хотя и очень медленного изживания: сокращалось число поколений, отделяющих вступающих в брак от их общего предка.

Наиболее сильному изменению этот принцип подвергся среди южно-киргизских племен, где в прошлом заметнее сказывалось влияние ислама и брачных норм шариата, в результате чего стали допустимыми браки даже между детьми двух родных братьев, совершенно исключавшиеся в более отдаленные времена.

Но, как мы видели, и среди различных групп киргизов, населявших Северную Киргизию, где с большей устойчивостью сохранялись нормы обычного права, нередко наблюдались значительные отклонения от ортодоксального принципа. Большие или меньшие колебания можно было встретить даже на относительно небольшой территории и в пределах не столь крупных родо-племенных подразделений. А. Джумагулов, ссылаясь на сообщения своих информаторов, отмечает, что раньше у группы кошой (племя солто) существовал обычай брать жен не ближе, чем из седьмого колена, а позднее постепенно стали допускаться браки в третьем — четвертом коленах; у группы джантай (племя сары багыш) до недавнего времени сохранялся обычай брать жену не ближе, чем из шестого колена¹².

⁹ А. Джумагулов, *Семья и брак у киргизов Чуйской долины*, Фрунзе, 1960, стр. 27—30; см. также Н. А. Кисляков, *Указ. раб.*, стр. 50, 51.

¹⁰ См., например, А. Н. Максимов, *Из истории семьи у русских инородцев*, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 60; его же, *Ограничения отношений между одним из супругов и родственниками другого*, там же, 1908, № 1—2, стр. 18.

¹¹ См. С. М. Абрамзон, *Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии*, сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951, стр. 140, 141.

¹² А. Джумагулов, *Указ. раб.*, стр. 27.

Приведем некоторые данные по Прииссыккулью и Центральному Тянь-Шаню. Как показывают наши записи в Прииссыккулье, внутри тех групп, которые насчитывали три-четыре поколения от общего предка, браки уже практиковались; внутри родственных им, но небольших групп они не допускались. При этом рассказчики подчеркивали, что заключать браки внутри таких небольших групп «стыдно» (*уят*), хотя внебрачные связи между членами таких групп иногда бывали. В отдельных случаях даже называли имя одного из ближайших предков, первым нарушившего запрет на браки внутри данной группы. Все же браки между потомками одного предка в третьем поколении («между лицами, состоящими в родстве до третьей степени включительно», как они названы в цитированной рукописи) были крайне редки и на них «плохо смотрели», как выразился наш информатор Бердалы Токтобаев (85 лет). Он смог назвать лишь один такой случай, когда внук Бирназара (подразделение белек племени бугу) Чаки женился на своей троюродной сестре (по отцу) Чукен, взяв ее в качестве второй жены¹³. Поэтому к утверждениям некоторых источников об общих принципах экзогамных норм у киргизов надо относиться с большой осторожностью. Это доказывается и материалами по Центральному Тянь-Шаню.

Анализ конкретных случаев браков в некоторых группах населения, относившего себя к племени саяк (Тянь-Шань, долина Джумгала), показал, что отклонение от «семиколенного» принципа экзогамии нередко находило свое оправдание в том, что вступавшие в брак имели общего предка-мужчину, но происходили от разных его жен, т. е. имели разных матерей. По объяснению стариков, такие казусы находились в полном соответствии с воззрениями киргизов на нормы брака; здесь отступление от традиционного числа поколений (6—7) было вполне допустимо. Поясним это примером. У Мамбета и его жены Рапии был общий предок Качике. Мамбет происходил от жены Качике Нават в четвертом поколении, а Рапия — от его же жены Саткын в пятом поколении. Следовательно, налицо был брак с дочерью четвероюродного брата. Зарегистрированы и другие подобные случаи, а также браки с внучкой четвероюродного брата, с троюродной сестрой отца и т. п., даже брак с троюродной сестрой (у Бюркюта и его жены Калийчи был общий предок — Качике, но Бюркют происходил от жены Качике по имени Нават, а Калийча от жены Качике по имени Джюзюмджан). Если не учитывать такой ситуации, может показаться, что мы имеем дело с прямым нарушением господствовавших в прошлом норм брака. В действительности же потомки одного мужчины от разных его жен не считались кровными родственниками, и поэтому браки между ними не рассматривались как нарушение обычая.

Чтобы полнее представить себе реальную картину ограничений при заключении брака по степени родства, действовавших в киргизском обществе, а также распространения различных категорий родственных браков, нами в течение полевых сезонов 1947—1948 гг. было предпринято историко-этнографическое изучение 26 семейно-родственных групп (12 в Южной Киргизии и 14 в Северной Киргизии). Подверглись изучению родственные отношения 990 брачных пар, входивших в состав этих групп. В посемейных генеалогических таблицах были учтены как семьи, проживавшие в пунктах обследования, так и семьи, связанные с ними отношениями родства и свойства, но расселенные в других пунктах и районах. Частично были зарегистрированы и умершие члены таких семейно-родственных групп, что давало возможность полнее выявить систему брачных отношений.

¹³ Сел. Джеты-Огуз, Иссык-Кульская обл., полевые материалы автора, тетр. 1, запись № 22, 1953 г. (хранятся у автора).

Как показали результаты проведенного обследования, подавляющее большинство браков заключалось между лицами, вовсе не состоявшими в родстве, или между дальними родственниками, вступление которых в брак не находилось в противоречии с существовавшей системой «поколенной» экзогамии. Но 224 брака, или 22,6% по отношению ко всему числу обследованных брачных пар, относились прямо или косвенно к числу родственных браков. Рассмотрим последние более подробно. Самую значительную группу среди них составляли браки с родственниками по линии матери (и матери отца). Таких браков оказалось 87, или 38,8% к общему числу родственных браков (8,7% ко всему числу брачных пар). Они распределяются следующим образом.

Браки с дочерью брата матери — *тай эже* (в том числе с дочерью двоюродного или троюродного брата матери — 4) — 11.

Браки с сестрой матери — *тай эже* — 12 (в том числе с двоюродной или троюродной сестрой матери — 5; в одном случае — брак с сестрой матери при живой матери).

Брак между детьми *бёлё* (двоюродных брата и сестры по матери) — 1.

Жена взята из той же родственной группы, что и мать мужа (в одном случае жена из той же группы, что и мать матери и прабабка по матери), — 33.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята ее мать, — 9.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята ее мачеха, — 1.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята мать отца (в одном случае — неродная бабка, вторая жена деда), — 4.

Жена взята из той же группы, что и мать отца мужа, — 16.

К этой основной категории родственных браков частично примыкают следующие:

Жена взята из той же группы, что и жена брата мужа, — 1.

Жена взята из той же группы, что и жена брата отца мужа (родного, двоюродного и троюродного), и жена брата деда мужа по отцу, — 11.

Девушка выдана замуж в ту же группу, из которой была взята жена ее брата и жена брата ее отца, — 10.

Некоторая связь последней разновидности браков с основной категорией родственных браков заключается, между прочим, в том, что в соответствии с существовавшими традициями брат отца обычно считался таким же близким родственником, как сам отец. Он всегда заменял отца в случае смерти последнего. Поэтому жену брата отца часто считали такой же близкой, как и родную мать.

О тесных связях между родственными группами, возникавших в результате взаимных браков, свидетельствует значительное число браков следующей категории.

Жена взята из той же группы, куда была выдана замуж сестра (по отцу): родная, двоюродная и т. д. — 15.

Жена взята из той же группы, куда была выдана замуж сестра отца мужа, — 6.

Жена взята из той же группы, куда была выдана замуж дочь сестры мужа (по отцу) — *жээн*, — 2.

Некоторое распространение имели и браки, заключенные в соответствии с обычаем сорората¹⁴. В основном это были браки с младшей сестрой покойной жены (*балдыз*), в том числе и с троюродной и четверюродной. В одном случае — брак с четверюродной сестрой покойной невесты. Всего таких браков было учтено девять. Браков по обычаю левирата мы здесь не касаемся.

¹⁴ См. С. М. Абрамзон, Об обычаях левирата и сорората у киргизов и казахов, сб. «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге», М., 1973, стр. 61, 62; ср.: Х. А. Арғынбаев, Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу), Алматы, 1973, стр. 154, 167—169, 178—182.

В названной выше работе Н. П. Дыренкова коснулась вопроса о кузенных браках. Она довольно категорично указала, что у киргизов существовал лишь односторонний кузенный брак: брак с дочерью брата матери¹⁵. Проверка показала, что это утверждение было основано на явном недоразумении. Оно было результатом того, что материал собирался Н. П. Дыренковой лишь в одном районе. В 1947 и 1948 гг. нами было установлено (в дальнейшем это многократно подтверждалось), что самым различным группам киргизов был свойствен перекрестно-кузенный, или кросскузенный, брак. Он существовал у киргизов в обеих разновидностях, т. е. и как односторонняя форма (брак с дочерью брата матери), и как двусторонняя (брак с дочерью брата матери и брак с дочерью сестры отца). Однако вторая форма кросскузенного брака была распространена значительно реже и лишь отчасти сопутствовала первой, преобладала же односторонняя форма. Приведенные выше данные говорят как раз о бытовании этой формы брака. Среди изученных нами браков оказалось и шесть браков с дочерью сестры отца — *жээн* (в том числе два с дочерью двоюродной сестры отца), а также один брак с дочерью сына сестры отца — *жээн кыз*. Сюда же могут быть отнесены один брак с дочерью двоюродной сестры деда и один брак с внучкой двоюродной сестры прадеда.

Следует отметить, что два наших информатора, хорошо знающих киргизские обычаи, высказывали по поводу возможности заключения такого рода кузенных браков прямо противоположные точки зрения. Так, если Таабалды Кайдакыев (67 лет)¹⁶ утверждал, что с дочерью сестры отца (*жээн*) вступать в брак разрешается, то Абдыкадыр Аалыбаев (68 лет)¹⁷, ссылаясь на обычное право, доказывал, что на дочери сестры отца жениться нельзя, так как она будет приходиться родной *жээн*¹⁸. Объективные данные подтверждают правоту первого информатора. Тот факт, что большинство браков с дочерью сестры отца, т. е. относящихся ко второй форме кросскузенного брака, было заключено в Северной Киргизии, исключает возможность решающего влияния на эти браки норм шариата¹⁹.

Иное положение сложилось с другой разновидностью кузенных браков — с дочерью брата отца. Эти браки, полностью противоречившие ортодоксальным брачным нормам киргизов, встречались исключительно на юге Киргизии, где нами было зарегистрировано семь таких браков (в том числе один брак с дочерью сына брата отца). Характерно, что северокиргизские информаторы единодушно отрицали возможность таких браков (как и браков с дочерью брата) по обычному праву. Один из информаторов, Тилек Бакалов (72 лет)²⁰, отметил, что за последние 50 лет внутри группы торгой (ее относили по происхождению к подразделению кыдык племени бугу) «стали брать жен и через 2—3 поколения, по шариату»; можно думать, что его суждение было основано на знакомстве с нормами шариата. И все же нельзя полностью исключить то, что в появлении этой разновидности ортокузенных браков у кирги-

¹⁵ Н. П. Дыренкова, Указ. раб., стр. 13.

¹⁶ Сел. Бирлик Сарыкамьшского сельсовета Джумгалского р-на (Тянь-Шань), Полевые материалы автора, 1948 г., Архив Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР (далее АЛОИЭ), ф. К-1, оп. 2, папка 55, тетр. 2, запись 6.

¹⁷ Сел. Орто-Кууганды Каирминского сельсовета Джумгалского р-на, Полевые материалы автора, 1948 г., АИЭЛО, ф. К-1, оп. 2, папка 55, тетр. 2, запись 8.

¹⁸ Этого же мнения придерживался и Молтой Байкозиев (70 лет), сел. Чон-Таалга Сарыкамьшского сельсовета Джумгалского р-на, Полевые материалы автора, 1948 г., АЛОИЭ, ф. К-1, оп. 2, папка 55, тетр., 2, запись № 7.

¹⁹ О допустимости браков с дочерью сестры отца (между *тай аке* и *жээн кыз*) среди населения, относившего себя по происхождению к племенам солто и сары багыш в Чуйской долине, см.: А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 29.

²⁰ Сел. Большевик Тонского р-на Иссык-Кульской обл., Полевые материалы автора, 1953 г., тетр. 1, запись 6 (хранится у автора).

зов сыграло роль не только влияние ислама и норм шариата, но и постепенная перестройка самих норм брака, поскольку возникновение этой (ортокузенной) формы кузенного брака можно связывать с отношениями, складывавшимися в патриархальной семейной общине, которая в прошлом существовала и у киргизов.

Таким же отступлением от обычных норм брачного права были отмеченные нами: два брака — с двоюродной и с четвероюродной сестрой отца и один брак с дочерью собственной (хотя и троюродной) сестры. А. Аалыбаев утверждал, что «брат в жены дочь родной сестры нельзя», но тут же добавил, что по шариату это допустимо (*шариатта болот*). По-видимому, из норм шариата и исходил названный выше Т. Бакалов, когда он сказал: «мой сын может жениться на дочери моей дочери», имея, таким образом, в виду брак с дочерью сестры²¹. Зато отмеченный нами один случай брака с дочерью дочери брата отца укладывается в киргизские экзогамные нормы.

По утверждению Н. И. Гродекова, «за двух братьев не выдают двух сестер. Невесты двух братьев должны находиться между собою в третьем колене родства или дальше. За двух двоюродных братьев могут выдать сестер. Но и это не делают охотно, говоря: мы лучше заведем связь в двух местах, а не в одном»²².

Наши информаторы безоговорочно заявляли, что две сестры могут одновременно выйти замуж за двух родных братьев. Один из них добавил, что старший брат может жениться на младшей из сестер, а младший брат на старшей сестре. Таким образом, в приведенных свидетельствах имеются существенные расхождения. В материалах нашего обследования мы находим исчерпывающий ответ на вопрос о возможности таких браков. Приводим соответствующие данные.

Браки двух родных братьев с двумя родными сестрами (в одном случае мать у сестер одна, а отцы разные) — 2.

Браки двух родных братьев с двумя двоюродными сестрами²³ — 1.

Браки двух двоюродных братьев с двумя родными сестрами (в одном случае двоюродные братья по матери — *бёлё*) — 3.

Браки двух троюродных братьев с двумя родными сестрами — 3.

Браки двух двоюродных братьев с двумя двоюродными сестрами — 2.

Браки двух двоюродных братьев с двумя троюродными сестрами — 1.

Браки двух троюродных братьев с двумя двоюродными сестрами — 1.

Браки двух родных братьев с теткой и племянницей (их жены по отношению друг к другу — тетка и племянница по отцовской линии) — 1.

Эти данные находятся в полном соответствии с киргизским обычаем, согласно которому близкие родственники (родные и двоюродные братья, отец и сын и т. п.) старались брать жен из одних и тех же родственных групп, таким образом их жены также состояли между собой в той или иной степени родства. О распространенности таких браков можно судить по сведениям, извлеченным из материалов нашего обследования:

Два родных брата взяли жен из одной и той же группы — 8.

Три (в одном случае — два) родных брата и один их двоюродный брат взяли жен из одной группы — 2.

Три родных брата и сын одного из них взяли жен из одной группы — 1.

²¹ По словам упомянутого Т. Кайдакыева, нельзя было жениться не только на дочери собственной сестры, но и на дочери дочери сестры — *тогончор*. На всех остальных родственницах, относимых к категории *жээн*, жениться разрешалось.

²² Н. И. Г р о д е к о в, Указ. раб., стр. 28, 29.

²³ Во всех случаях, где не сделано какой-либо оговорки, речь идет о двоюродных и троюродных братьях и сестрах по отцовской линии. В целом же необходимо постоянно учитывать, что номенклатура родства у киргизов имела отчетливо выраженные черты классификационной системы, при которой одним термином обозначалась целая группа лиц разных степеней родства, разного пола и возраста.

Два двоюродных брата взяли жен из одной группы — 5.

Три двоюродных брата взяли жен из одной группы — 1.

Два родных брата и два их двоюродных брата (тоже родные между собой) взяли жен из одной группы — 2.

Два родных брата и родной брат их отца взяли жен из одной группы — 2.

Два троюродных брата и родной брат отца одного из них взяли жен из одной группы — 1.

Мужчина, родной брат его отца и двоюродный брат деда взяли жен из одной группы — 1.

Отец и сын женились на двух двоюродных сестрах — 1.

Отец и сын женились на двух троюродных сестрах — 3.

Отец и сын женились на двух четвероюродных сестрах — 1.

Отец и сын взяли жен из одной группы — 1.

Мужчина и сын его родного брата женились на двух родных сестрах — 1.

Мужчина и сын его троюродного брата женились на двух родных сестрах — 3.

Мужчина и сын его троюродного брата женились на двух двоюродных сестрах — 1.

Мужчина и сын его двоюродного брата женились на тетке и ее племяннице (жена племянника — дочь брата жены дяди) — 2.

Мужчина и сын его двоюродного брата взяли жен из одной группы — 1.

Мужчина одновременно состоял в браке с женщиной и ее племянницей (вторая жена — дочь троюродного брата первой жены)²⁴ — 1.

Двоюродные брат и сестра состояли в браке с находящимися в кровном родстве (родными) братом и сестрой — 1.

Несколько особняком стоят еще четыре случая таких браков, когда вдова вышла вторично замуж в ту же группу, откуда была взята ранее (т. е. в группу своего отца).

Необходимо еще коснуться ограничений, установленных обычным правом для отдельных категорий браков, на которые указывают литературные источники. Так, согласно Н. И. Гродекову, «жениться на сестре мачих считается предосудительным... Кара-киргиз Курпетай Даулеткулов говорит, что такой брак непозволителен»²⁵. То же самое утверждает Г. Загряжский²⁶. Вопреки этому наши информаторы подчеркивали допустимость таких браков. И они, на наш взгляд, вполне последовательны, поскольку киргизский обычай допускал брак даже с сестрой матери. Тем более дозволялся брак с дочерью сестры мачехи, и примеры таких браков (между *огёй тай аке* и *огёй жээн*) нам известны. Но те же информаторы, говоря о недопустимости браков с мачехой, отмечали, что и на дочери мачехи жениться не разрешается, не приводя, однако, каких-либо объяснений.

Сведения Н. И. Гродекова и Г. Загряжского, относящиеся к бракам со свояченицами, совпадают. «Свояченица,— пишет Гродеков,— сестра жены брата, считается за родную сестру до смерти брата, поэтому на ней, до этого времени, нельзя жениться»²⁷. Загряжский указывает, что «киргиз не может вступить в брак с сестрою жены своего родного брата (свояченицею)»²⁸. Уже приведенные выше данные о браках двух родных братьев с двумя родными сестрами показывают, что у киргизов в конце XIX — начале XX в. этот брачный запрет фактически отсутствовал. На территории Сарыкамьшского сельсовета Джумгалского района в 1948 г. жили родные братья Конушпай (старший) и Ишанкоджо Джапалаковы. Их жены были родными сестрами; Толгонай (старшая) — женой Конушпая, Уулбек (младшая) — женой Ишанкоджо. Но

²⁴ Н. П. Дыренкова, по-видимому, получила неточную информацию по этому вопросу. Она пишет: «нельзя вступить в брак одновременно с женщиной и ее племянницей» (Указ. раб., стр. 13).

²⁵ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 29.

²⁶ Г. Загряжский, Юридический обычай киргиз..., стр. 155.

²⁷ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 30.

²⁸ Г. Загряжский, Юридический обычай киргиз, стр. 155.

большинство данных, приведенных в работе Н. И. Гродекова об ограничениях для некоторых категорий родственников и свойственников, вступающих в брак, находят подтверждение в наших полевых материалах, относящихся к киргизам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нормы брака у киргизов охватывали все важнейшие разновидности брачных отношений. При этом необходимо также отметить абсолютное преобладание браков между лицами, не состоявшими в родстве. Постепенное уменьшение числа поколений, отделяющих вступающих в брак от их общего предка, появление (прежде всего у южных киргизов) брачных норм, обусловленных влиянием шарията, и «мозаичность» брачных норм у киргизов следует объяснять социально-экономическими и историческими условиями, в которых развивалось киргизское общество.

Все сказанное характеризует в основном нормы брака, господствовавшие у киргизов в дореволюционном прошлом. В наше время наряду с ограничениями супружеского союза по степени родства, нашедшими отражение в советском семейном праве (запрещение браков между родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии, а также между полнородными и неполнородными братьями и сестрами)²⁹, у киргизов еще продолжают сохраняться некоторые черты традиционных брачных норм (это относится, например, к бракам с родственниками по материнской линии). Однако, как об этом можно судить и по приведенным выше данным, они имеют тенденцию к изменению преимущественно в следующих направлениях: дальнейшее расширение при вступлении в брак круга лиц, происходящих от одного общего предка по мужской линии (путем сокращения требовавшегося в прошлом числа поколений от этого предка) и еще большее увеличение числа браков, заключенных вне пределов своего генеалогического «рода», т. е. между не-родственниками. О последней тенденции частично свидетельствуют наблюдения А. Джумагулова, относящиеся к современным бракам среди киргизско-сельского населения. Он пишет: «В настоящее время браки заключаются и в пределах своего села. Однако многие молодые люди все же предпочитают брать жен из других селений, районов, областей. Такие браки преобладают»³⁰.

Разумеется, в данном случае речь не идет о каком-то «возрождении» древних экзогамных норм. Если учесть и постепенный рост числа межнациональных браков у киргизов, можно говорить об укреплении и стабилизации среди киргизов общесоветских норм брачных отношений.

FORMER MARRIAGE NORMS AMONG THE KIRGHIZ

The author examines the customs that formerly regulated marriage among the Kirghiz. Archive materials are drawn upon for a description of marriage restrictions; the results of a field study carried out by the author in 1947—1948 are also analysed in detail (covering about one thousand married couples).

Although marriage restrictions in the past envisaged exogamy for blood relations down to the seventh generation, over 20 p. c. of marriages were in fact marriages among kindred. Various types of such marriages are described in detail. A high place among them is held by marriages between relations in the maternal line.

Rules of exogamy were more strictly observed among northern Kirghiz groups, while among the southern groups they had become considerably eroded owing to the stronger influence there of the Shariat norms.

A brief review is given of the changes in marriage norms that have been taking place in recent decades with the increasing mobility of the Kirghiz population, the higher frequency of ethnically mixed marriages and the gradual dying-off of archaic customs.

²⁹ См. Г. М. Свердлов, Советское семейное право, М., 1951, стр. 73.

³⁰ А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 69.